

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ В ТЕАТРЕ

Моя настоящая фамилия Якубов. Под этой фамилией я и играл в первые годы. Позже, в силу некоторых обязательств, должен был взять псевдоним, стал Нароковым. Псевдоним—неспроста: это любимейший мой образ из Островского. Сыграть его, однако, мне до сих пор не пришлось. Несчастливцева же всю жизнь не долюбивал, а играю его без малого четверть века.

Мое первое сценическое крещение—в 1895 г. в Киеве у Соловцова, в качестве статиста. Первый мой актерский сезон—у Соколова-Жамсона в Мелитополе, летом 1896 года. Отсюда и веду свое летоисчисление.

19 лет моей работы падают на провинцию, один год на Ленинград (Новый театр Яворской) и последние десять лет—на Москву.

Участвовал я также в нескольких поездках. Самые значительные из них: поездка Яворской по Югу и Западу России, закончившаяся довольно шумными спектаклями в Париже, в театре Антуана. Вторая—последняя поездка В. Ф. Коммиссаржевской, закончившаяся роковым Ташкентом.

Тридцать лет моей сценической работы совпали как раз, с интереснейшим периодом в истории русского театра. Это—пора его генерального пересмотра, формальных и идеологических поисков, пора его кризиса. Принято думать, что в результате этого долговременного и, пожалуй, еще и донныне не из-

житого кризиса актер претерпел какие-то существенные ущербы и развенчания. С точки зрения неких специальных, владетельных, так сказать, интересов актера—это, конечно, так. И совершенно естественно, что это не могло не привести к некоторому захуданию актерского „рода“.

Без ложной скромности и „унижения паче гордости“—я считаю себя типичным представителем такого славного, но захудалого рода, со всеми данными и звучанием матерого старого трагика, прямой, казалось бы, преемник Рахимовых—и позднее Строителей—я, в процессе симфонических построений нынешнего театра, растерял, вернее—сократил мощную выразительность этих данных до неких ансамблевых фигур Гауптмановского, Чеховского, Андреевского спектакля. Меня тянули к Геннадю и Олоферну, а я лучшей своей ролью считаю „Профессора Сторицына“.

Считаю необходимым отметить три заключительнейших влияния на мою художественную судьбу: это—Горький, Мейерхольд и Коммиссаржевская.

Горькому я обязан чрезвычайно многим в развитии моего внутреннего мира, вообще.

Мейерхольд научил меня любить работу театра. До тех пор я любил только его праздники.

Коммиссаржевская—это забываемый для меня и высочайший образец творческого спокойствия

МИХАИЛ НАРОКОВ

Прогр. пос. экз. театров, № 11-17
1-24.